

*Посвящается Эшли, которая мечтала
и плакала со мной всё путешествие и ликовала,
когда мой день наконец настал.*

МДжГ

ГЛАВА 01

Не хочу быть как отец, и все же я наполовину — он.

Даже спустя шесть лет его смерть не дает мне покоя. Она — как гноящаяся рана, края которой расходятся, стоит мне взглянуть на поместье на гребне горы. Она саднит, напоминая обо всем, что я утратил, когда мне было всего десять лет.

Здесь, на чердаке над таверной, все тихо, только свистит в трещинах на окне выюга. Мы с матерью сидим у тлеющего очага. Ее белые, как кость, волосы падают на бледное лицо; хрупкие пальцы впиваются в подлокотники кресла.

Я никчемен, не в силах раздобыть денег даже на лекарство или теплое одеяло. И если я без отца почти не страдаю, то мать без него превратилась в призрак прежней себя. Еще несколько лет назад она была могущественной дамой и владела дуэльной тростью. Этим гордым и почетным оружием она могла бы защитить нас, проложив путь обратно к Вершине.

Однако ее сразила болезнь — чахотка. С тех пор я материнской трости не видел.

— О чём думаешь, сын? — спрашивает мама, взглянув на меня.

Сквозь новую трещину в крыше, грозя погасить последние угольки в очаге, задувает ветер. Вздрогнув, я подтягиваю колени

к груди. Когда-то мы жили по-королевски, но все изменилось: однажды я вошел в кабинет к отцу и застал его лежащим на полу в луже крови.

Это называли самоубийством.

Я стискиваю зубы.

— Конрад, — сипло зовет мать, — ты думаешь о нем. Снова. — Она кашляет, прикрыв рот рукой, и хватает меня за плечо. — Месть ничего не вернет, сын.

— Кое-кого вернула бы.

У мамы начинают дрожать губы, и она отпускает меня. Я за-жмуриваюсь. Зря напомнил ей о сестренке. Нельзя бередить рану в душе матери. Нельзя, ни за что.

— Конрад, — шепчет мама, — этот мир требует, чтобы ты брал свое. Брал силой. Поэтому твой отец не знал покоя. Хочешь стать как он?

— Мама... — Почему она никак не уступит?

— Хочешь?

— Нет.

— Тогда будь выше этого мира, — натужно произносит она. — Будь лучше.

Мы замолкаем. Хотелось бы мне стать лучше, но в беспощадном мире, где так легко утонуть в куче отбросов с Вершины, это вряд ли возможно.

Мать утверждает, будто бы добро окупается. Десять лет назад она дала денег Макгиллу на эту таверну, и вот он пустил нас к себе бесплатно. Однако, если не считать Макгилла, утверждение матери — полная чушь. Где друзья, которым я помогал? Почему не пришли, когда дядя сверг нас?

Я с горечью провожу языком по зубам.

Дрожащей рукой мать тянется за кружкой воды, но опрокидывает ее. И тут же сгибается в сильном приступе кашля.

— Мама! — Я вскакиваю на ноги.

Она не может вздохнуть, бьется в конвульсиях. Запрокидывает голову и валится из кресла, падает мне на руки, деревенеет. Глаза у нее закатились, а с губ течет густая черная слизь.

Неужели это последний приступ?

Я прижимаю мать к груди и держу крепко-крепко, словно в моих силах унять хворь, словно я могу все исправить. Словно я не терял контроль над жизнью с тех пор, как умер отец.

Конвульсии наконец-то проходят, и мать обмякает. Сам я цепе-нею от ужаса. Не хочу проверять ее пульс. А вдруг я держу ее по-следний раз? Набравшись смелости, прижимаю пальцы к ее шее и... не чувствую поначалу совсем ничего. Затем — легкое подра-гивание вены.

На глаза наворачиваются слезы преждевременной радости. Судороги вернутся. Они всегда возвращаются, точно хищник, что держится неподалеку и подкрадывается в ночи. Из-за приступов матери я сплю на полу возле ее кровати.

Мать, беспомощная, точно младенец, чуть дышит, и я отношу ее на потертый матрас. Укутываю в тонкие одеяла. Потом убираю волосы у нее со лба и рукавом вытираю ее губы.

Матери я обязан той половиной себя, что требует быть состра-дательным — даже к тем, кто этого не заслуживает. Вот только как мне возвыситься, если обедки из таверны для нас — настоящий пир?

Я, стиснув зубы, смотрю в окно. Склон горы, вплоть до самого пика и стоящего на нем крупнейшего на острове поместья, усыпан огнями. Поместье должно было стать моим, но, когда умер отец, я был слишком молод, чтобы принять наследство, а мать не при-надлежит к нашему роду.

Поэтому теперь эрцгерцог — мой дядя.

Да только мне плевать, кто он. Придет день, и узурпатор падет к моим ногам, истекая кровью, вкусив те же страдания, на которые обрек нас.

Придет день, и он станет молить о пощаде.

Дыхание матери становится сиплым, лоб у нее горит. И, глядя на ее мучения, я будто слышу голос отца: «Она умирает». Эти два слова — точно ржавый нож по сердцу.

Я мотаю головой. Нет, просто ночь выдалась холодная. Я до-стану дров, поработаю в баре у Макгилла за миску теплого супа для матери. Она еще поправится.

«Ты знаешь ее последнее желание, — шепчет голос отца. — Приведи Эллу».

Дядя наверняка растит мою сестру коварной — под стать себе. И все же я не могу бросить мать. Не могу ее тут оставить. Однако стоит положить руку ей на грудь, ощутить затухающее биение сердца, и я зажмуриваюсь. Разум, подобно морозному узору на стекле, застит мысль: «Надо предпринять хоть что-нибудь. Прямо сейчас».

Над каминной полкой поблескивает отцовская дуэльная трость — метровая палка с серебряным набалдашником в виде орла. Каждая трещинка на ее черной поверхности — это история, сага о восхождении моих предков. После того как мы всего лишились, трость стала единственным способом заработать денег.

Иногда по ночам, прихватив оружие, я спускался в Низинную бойцовую яму и там, на ветхой арене, под крики азартной толпы бился с отчаявшимися бедняками за гроши. Отец обучил меня утонченному пути трости, однако низинники бьются грубо, и за победы я платил ссадинами и синяками — все, лишь бы прокормить маму.

Сейчас еда не поможет. Да и лекарство, наверное, тоже. Проклятье! Матери нужно вернуть надежду, то, ради чего она станет бороться.

Ей нужна Элла.

Я целую мать в лоб и, прихватив трость, выпрыгиваю через окно в метель.

Возвышаясь надо мной, стоит на склоне единственной горы острова Холмстэд белый город. Внизу чадят кривые трубы над крышами лачуг, выше по склону примостились кирпичные дома срединников, а ближе к вершине сверкают невероятные поместья высотников: участки земли, блестящие колонны, теплые комнаты.

Выдыхая облачка пара, я спускаюсь по шаткой крыше таверны. По водосточной трубе съезжаю в переулок. Приземлившись в лужу слякоти, чувствуя боль, когда холодкусает за голые щиколотки. Однако мороз меня не остановит. Зима отняла мизинец на левой ноге, но большего ей не видать.

Перехожу на бег. В круtyх и узких переулках воняет тухлятиной. Холодный ветер треплет мне кудри.

Ноги горят оттого, что бежать приходится в гору, но я упрямо двигаюсь дальше.

Меня окутывает тень, когда сияющая луна ныряет за соседний остров. Поросший деревьями и укрытый снегом, тот парит в облачах. Он тих, как и эти переулки.

Я резко останавливаюсь. Лицом в снегу, под свисающими с крыши сосульками лежит человек. Застыв, я осматриваюсь в поисках следов нападения: окровавленного оружия, спутанных отпечатков ног... Ничего такого.

Он умер, замерз в одиночестве.

Я бегу дальше, на всякий случай стиснув трость покрепче.

Мать захотела бы, чтобы я осмотрел замерзшего, а вот отец учил, как драться и быть безжалостным. Он посреди ночи выдергивал меня из постели и, сунув в руки тренировочную трость, выводил на площадь Урвинов. Отец был легендарным дуэлянтом, учился фехтованию, едва начав ходить. Он всегда обезоруживал меня. Без пощады сбивал с ног — как я ни сопротивлялся, как ни плакал, умываясь собственной кровью.

Это, говорил он, нужно для того, чтобы я мог исполнить свой долг и защитить семью, когда нам бросят вызов.

Я сплевываю на землю.

Встав у края переулка, осматриваю улицы Низины. Сердце так и колотится, дыхание перехватывает, в ногах покалывает. Тут полным-полно людей, ютящихся по углам, бродячих животных и квельых огоньков. У бочки с костром греют грязные руки трое низинников в заношенных куртках. Чуть дальше две женщины мутузят друг друга палками. Даже не дуэльными тростями. Они так увлеклись дракой из-за ковриги, что не заметили, как ее стянула какая-то псина.

Я хмурюсь.

Меритократия так устроена, чтобы низинники хотели большего, желали возвыситься. Но беда в том, что мы слишком слабые, вечно голодные и потому не представляем угрозы для тех, кто выше. Именно этого верхи и добиваются: держат нас внизу, чтобы мы никогда не набрались сил, не могли бросить вызов и победить в поединке за статус.

Быстро перебежав улицу, ныряю в следующий переулок и иду дальше мимо ветхих домишек. Наконец оказываюсь у стены, что отгораживает срединные кварталы. Ворот нет. Обливаясь потом, пересекаю Срединную улицу, обрамленную причудливыми кирпичными домами. В окнах горит теплый свет. Жилища покрупнее обнесены заборами — для защиты от воришек-низинников. Над заснеженными тротуарами висят кристаллические фонари.

Кажется, что все мирно спят в своих постелях.

Обогнув угол, успеваю заметить цепочку летающих экипажей, взирающих по прекрасным улицам Вершины. Эти машины, движимые энергией кристаллов, летят точно серебряные пули, и все они направляются к могучим вратам из стали горгантавна.

К вратам поместья Урвинов.

Дядя снова закатил прием.

Облизнув губы, я несусь мимо домов срединников. Достигаю входа на улицы Вершины. Ворота заперты. Взяв трость в зубы, я хващаюсь за обледенелые прутья и лезу наверх.

Внезапно на Высокой улице, по ту сторону изгороди, показывается страж. Проклятье. Сердце уходит в пятки. Я перекидываю ногу через ворота и, не дожидаясь, пока страж обернется, скользываю по прутьям вниз. Ныряю за оставленный тут же экипаж. Ободрав колени, хромаю в сторону жилых районов, используя деревья и стоящие экипажи как укрытие.

Убравшись от стража подальше, жадно вглядываюсь в невероятные красоты Вершины. По подогретым улицам, попадая в стоки, бежит талая вода. Вдоль тротуаров тянутся ухоженные деревья — прямо под внушительными стенами, которые отделяют одно поместье от другого. В окнах величественных террас и балконов горят золотые огни.

Теплая вода унимает тупую боль в стопах. Я наспех омываю разбитые в кровь колени. Задерживаться нельзя. Здесь за каждым углом еще больше стражей — они хищно вглядываются в метель.

Когда мимо проплывают навороченные металлические экипажи, я, пригнувшись, бегу рядом с ними, стараюсь держаться ниже окон. Бесшумный транспорт везет богатеев на званый вечер; машина сделана из чистой стали горгантавна и парит, точно призрак. Вот только прикрытие из нее слабое, ведь ноги мои все равно видно, поэтому я проскальзываю между прутьями за решетку ливнестока. Всматриваюсь во тьму тоннеля. Из-за подогрева улиц тут как в бане.

Стражи время от времени проверяют канализацию, но есть надежда, что прием у дяди отвлечет их внимание. Прижимая к себе трость, я шлепаю по теплой воде. То и дело поглядываю наружу через решетку. Наконец примечаю легкую цель. Сообразив, что за семья оставила ворота открытыми, я от удивления вскидываю брови.

Хэддоки. Богатые сволочи.

Снаружи, у величественной двери поместья, стоит водитель — рядом с открытым экипажем, вытянулся в струнку.

От напряжения у меня сводит пальцы. Второго шанса не будет. Действовать надо быстро.

Выскользнув из тоннеля, пускаюсь бегом. От порывов ледяного ветра жжет влажную кожу. Стопы ноют, колени саднит, но я не обращаю на боль внимания, потому что моя мать умирает.

Пока водитель сосредоточенно смотрит на мощеную дорожку, ведущую к поместью Хэддоков, я жму кнопку с противоположной стороны экипажа. Бесшумно поднимается дверца, и опускается пара ступеней. Внутри салона две кожаные скамьи, привинченные к застеленному ковром полу, напитки в ведерках со льдом и небольшой пульсирующий теплошар.

Я осторожно забираюсь в салон и закрываю за собой дверцу. Как же тепло! Прячусь под задней скамьей, за двумя сложенными пледами.

Слышился приглушенный голос водителя:

— Добрый вечер. Экипаж ожидает.

— Да, да. — Это Нейтан Хэддок. — Холод просто собачий.

Услышав Нейтана, я невольно сжимаю дуэльную трость. Когда я был мальчишкой, этот человек любезничал с нами. Угощал нас с Эллой конфетами... Лишь потому, что нуждался в благосклонности моего отца.

Когда нас с матерью изгнали, Хэддоки и пальцем не пошевелили, никак не помогли. Однако сегодня их экипаж — мой билет на пышное празднество.

В щель между пледами вижу, как в салон, чуть раскачив экипаж, забирается Нейтан. Сняв цилиндр, он оправляет красивый сюртук. К поясу у него пристегнута дуэльная трость с набалдашником в форме золотой утки. Следом садится его жена, Кларисса. На ней платье и красная меховая шубка; она прижимает к груди свою серую трость.

С тихим шипением дверь опускается, и водитель, раскачивая экипаж, усаживается в свой отсек спереди. Пол подо мной начинает вибрировать, когда машина отрывается от земли. Даже через

мягкий ковер я лицом чувствую, как дрожит оживший кристалл. Если бы сердце не колотилось от волнения, я бы, наверное, разомлел в теплоте салона и уснул. Немного двигаюсь в сторону, чтобы замок в полу не впивался в ногу.

Экипаж покидает поместье Хэддоков, а у меня в животе ощущается легкость. Я словно парю на облаке. Однако вскоре мой комфорт нарушает речь ненавистных Хэддоков: они поносят наглых соседей, посмевших не пригласить их на обед. Потом раздраженно вспоминают, как пришлось уволить повара из срединников за то, что пригорел тост на завтрак.

Эти двое — лотчеры, не истинные высотники. Носят при себе дуэльные трости, но их оружие — не показатель силы. На нем нет трещин. Они платят профессиональным дуэлянтам, чтобы те бились за них, а сами они могли разъезжать в теплых экипажах, жить в роскоши и не работать.

Наконец экипаж замедляется и останавливается. Слышно приглушенное приветствие, и водитель, видимо, показывает охране приглашение Хэддоков.

Машина летит дальше. Даже не видя ничего в окно, я знаю, где мы.

Поместье Урвинов.

Дом, в котором я родился. Земля, где я играл мальчишкой и где, на площади Урвинов, практиковался с отцом в фехтовании.

С тех пор как дядя захватил поместье, за ворота мне удавалось попасть всего пару раз. В первый я пробрался водостоком, но не успел сделать и двух шагов на территорию, как меня поймали. С тех пор дядя запер водостоки. Потом я угнал небольшую лодочку в Низине и полетел в небесную гавань Урвинов. Почти добрался до двери, но меня снова заметила проклятая стража.

Оба раза дядя меня пощадил — по той же причине, по которой не отправил головорезов добить меня и мать. Я ему нужен. Вот только и думать не стану над его предложением. Обойдется.

Тем не менее он обещал сбросить меня за край острова, если я попадусь снова. Что ж, попадаться я не намерен. Только не в этот раз.

— Нейтан, — внезапно произносит Кларисса. — Чувствуешь запах?

Нейтан принюхивается:

— И верно. Мне сразу показалось, что я уловил какой-то слабый душок. Как будто мокрой псиной воняет.

Кларисса тоже принюхивается:

— Кажется, тянет из-под моей скамьи.

У меня сводит внутренности. Вот дьявол.

Через миг она опускается на корточки, хватает пледы, готовая убрать их и заглянуть под скамью, но я дергаю за ручку люка и вываливаюсь прямо на дорожку.

Перекатываюсь в заснеженные кусты, торопясь убраться из-под экипажа. Ветки царапают мне руки и спину. Ошеломленные Кларисса и Нейтан стоят в салоне, таращаются в раскрытый грузовой люк.

Сердце заходит сильнее, когда они выглядывают в окна. Наверняка догадались, что внутри кто-то был, но что предпримут? Доложат стражам? Тогда распишутся в собственном ротозействе: не заметили вонючего низинника-безбилетника.

Закрыв люк, они возвращаются на места. На их лицах омерзение, но экипаж летит дальше. За ним — другие машины.

Я мокну, сидя в кустах и разглядывая поместье. Сияющее строение с величественными балконами и огромной небесной гаванью; его территория, что занимает весь пик, — дом Эллы. Здесь она провела последние шесть лет своей жизни. Сейчас ей двенадцать.

Какой она стала? Узнает ли меня?

Выбравшись из кустов, взбегаю по каменным ступеням ко входу в небольшой внутренний дворик. Стража поблизости па-

трулирует обледенелые сады или прохаживается по тропинкам, ведущим к пруду за поместьем. Патрульные вооружены автомушкетами. Тем временем к поместью продолжают прибывать экипажи — туда, где за фонтаном, извергающим цветные струи воды, видна массивная дверь.

От снега рваное тряпье на мне быстро становится мокрым.

Я бегу к заиндевелой живой изгороди, что тянется рядами вдоль западной стороны поместья. Вблизи дома надо быть осторожным: на крыше, вдоль веранд и террас дежурят несколько стражей порядка; эти приглядывают за потоком напыщенных гостей.

Внезапно над головой проплывают несколько черных обтекаемых судов, и меня обдает ветром. Видимо, дядя пригласил не только знать Холмстэда, но и высотников с других островов. Небесные корабли опускаются в гавань, по трапам сходят на причал самые богатые и могущественные люди этого мира.

Многие из них — лжевысотники, лотчера, которых отец презирал. Носят хрупкие маски помпезности: толстый слой косметики, накладные ресницы и вычурные дуэльные трости.

Из экипажа выбираются Амелия и Айла Бартисс. Они владеют банком Холмстэда и выдают займы под грабительские проценты, которые могут и дома лишить. У меня глаза лезут на лоб при виде человека, что следует за ними, — адмирал Гёрнер. Пόлы его белой мантии полощутся на ветру, толстые дреды бьются об эполеты. В его властной походке почти не заметно хромоты: на дуэли чести его ранили в бедро. Гёрнер не лжевысотник. Свое положение он заработал потом и кровью.

— Эй!

Схваченный за плечо, я едва не вскрикиваю. На меня, хмуря брови, смотрит страж порядка:

— Тебе здесь не место, мелкий низинник.

Он подносит ко рту запястье, чтобы в запонку-коммуникатор сообщить остальным стражам о моем присутствии.

У меня сердце бьется о ребра. Руки у этого человека вдвое больше моих, он подтянут и мускулист. Но его мать не умирает, и он не терял всё. Ему не приходилось бороться за каждый кусок еды.

Я нажимаю кнопку на трости, и она удлиняется вдвое.

Ударив стражу в живот острым концом, стряхиваю с себя его руку. И, не давая закричать, с разворота бью его по зубам серебряным орлом.

Страж падает.

Я прыгаю сверху, готовый придушить его тростью, но, получив пинка, слетаю обратно. От удара спиной о землю из меня вышибает дух. Страж встает. Он в ярости.

Вот деръмо. Надо отдохнуться, но я не могу сделать и вдоха.

— Сейчас я с тобой разберусь, — говорит он, утирая кровь с губ.

Он за шкирку встряхивает меня, будто мокрую простынь. Кулаком бьет в живот, и я, хрюкая, снова падаю на землю. Проклятье. Он слишком силен, а я слишком долго недоедал. И все же отец не зря показывал мне, как побеждать тех, кто превосходит меня размерами: использовать все доступные способы.

Получив между ног, страж охает и сгибается, но стоит мне подняться, как он хватает автомушкет. Я уклоняюсь и со всей силы бью противника орлом по лбу.

Больше он не встает.

Плюнув на стража, утираю губы. Обхватив себя поперек живота руками, насилиу делаю вдох. Потом, ковыляя прочь, слегка улыбаюсь: сегодня мне дует попутный ветер. Я вернулся на земли поместья, победил стражу. Я приведу Эллу назад, к матери, и судьбы наши изменятся. Может, Элла даже прихватит с собой деньги. На них мы купим билет на пассажирское судно и вместе улетим отсюда как семья. Переберемся на другой остров, туда, где у дяди нет влияния.

Добираюсь до западного крыла поместья и ныряю за живую изгородь. Террасы патрулируют шестеро стражей, и еще один стоит на крыше прямо надо мной — он зябко переминается с ноги на ногу, потирая ладони.

Надеюсь, он не станет вглядываться в кусты и не увидит со-брата, что лежит там без сознания.

Стоит ему отойти в сторонку, и я подпрыгиваю, цепляюсь за карниз ближайшего окна. Чуть не срываюсь, елозя босыми ногами по грубой стене. Мне все же удается подтянуться на ноющих руках и заглянуть за стекло. Внутри, в кабинете, пусто.

Вот только замок на окне не поддается.

Проклятье.

Разумеется, дядя запер окна, пусть его дом и охраняет целый расчет. Может, попытать счастья и подняться выше?

Страж вернулся, и я замираю. На миг он подается вперед и смотрит в мою сторону. У меня мурашки по спине и по шее. Вот-вот раздастся крик...

Однако страж молча отходит назад.

Выдохнув, лезу выше. Кровоточащими пальцами ног ощупываю каменную кладку, нахожу уступы и наконец оказываюсь на балконе третьего уровня. За стеклянной дверью — комната.

Я замираю. Так увлекся, что забыл, чья она. В ней жили Хейлы, когда приезжали к нам. У меня все сжимается внутри, стоит вспомнить бабку и деда по линии матери.

Хейлы принадлежали к срединникам — из тех, кому нет дела до возвышения. Они были родом с другого острова, хотели принять нас с матерью. Даже вылетели на Холмстэд и должны были забрать нас из Низкого порта. Однако их корабль рухнул с небес по пути туда.

Дядя.

Эта сволочь обещала мне страдания, если я отклоню его предложение.

Глядя в комнату, освещенную пульсирующим светом теплосфера, чувствуя пустоту в сердце. Потом хватаюсь за ручку двери и зажмуриваюсь.

«Хоть бы оказалось не заперто, пожалуйста».

Ручка проворачивается, и дверь балкона поддается. Невероятно. И все же, оказавшись в тепле комнаты, я улыбаюсь грустной улыбкой. Меня переполняют воспоминания о детстве: я сижу на диване с дедом, пока бабушка заплетает Элле косички у теплосфера и рассказывает нам истории. Дед подмигивает мне, а Элла хочет над его смешным голосом.

Я тону в этих грезах, одновременно стараясь не поддаваться ужасной пустоте в душе.

«Обуздай свои эмоции, — будто бы шепчет отец. — Двигайся».

Тереблю растрепанный подол рубашки. Отчасти я сомневался, что когда-либо вернусь сюда, но вот я снова здесь. Стою окровавленными стопами на пышном ковре.

Надо отыскать Эллу. Снаружи вдоль коридора тянутся двери шестидесяти с лишним комнат. В доме четыре кухни, десятки ванных... Сестра может быть где угодно. К счастью, я знаю поместье как свои пять пальцев.

Скрипнув петлями, открываю дверь. Коридор застелен ковром с узором в виде бархатцев. И хотя бальная зала — в центре поместья, гомон праздника слышен и здесь: столовое серебро, струны музыкальных инструментов, разговоры...

Я крадусь вдоль коридора, а снизу, от основания лестницы, доносятся два раздраженных голоса. Осторожно перегнувшись через перила, я вижу, как какая-то женщина обвинительно тычет пальцем в лицо адмиралу Гёрнеру.

— Я жду гарантий, адмирал, — требует она. На ней простое голубое платье под цвет холодных глаз. — Надо немедленно выслать флот Стражи порядка. Перехватить горгантавнов до начала миграции.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru